

**ДЖЕЙН
БИРКИН**

**ДНЕВНИК
ОБЕЗЬЯНКИ
1957-1982**

Джейн Биркин
Дневник обезьянки (1957-1982)

Издательство «Синдбад»

2018

Биркин Д.

Дневник обезьянки (1957-1982) / Д. Биркин — Издательство
«Синдбад», 2018

ISBN 978-5-00131-175-1

Для маленькой Джейн обезьянка в костюме жокея — Манки — была самой любимой игрушкой, которую она не выпускала из рук. Для взрослой Джейн плюшевый Манки стал талисманом — она брала его на все важные встречи, не садилась без него в самолет и не ложилась в больницу. Когда умер Серж Генсбур, Джейн положила Манки в его гроб. ...Может, потому, что в детстве у Джейн не было близких друзей, она привыкла доверять все свои секреты Манки. К плюшевому confidentу обращены и записи в дневниках, которые Джейн вела с одиннадцати лет. Но в самой Джейн Биркин нет ничего от куклы — это страстная и смелая женщина, честная с собой и с другими. Певица, актриса и икона стиля не побоялась бросить вызов ханжам и лицемерам: спела с Генсбуром скандально известную «Я тебя люблю... я тебя тоже нет», появлялась на публике в шокирующих туалетах, оставаясь в то же время верной женой, любящей матерью и заботливой дочерью. Дневники несравненной Джейн Биркин — увлекательный рассказ о целой эпохе и живших в ней людях, искренний и откровенный... Больше интересных фактов об этой книге читайте в ЛитРес: Журнале

ISBN 978-5-00131-175-1

© Биркин Д., 2018

© Издательство «Синдбад», 2018

Содержание

1957	9
1959	12
1960	13
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Джейн Биркин

Дневник обезьянки

Jane Birkin
Monkey Diaries

© LIBRAIRIE ARTHEME FAYARD, 2018

© Sindbad Publishers Ltd., 2019

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2019

* * *

В сотрудничестве с Габриэль Кроуфорд

Когда я заболела, Габриэль занялась разборкой дневников, которые я вела на английском. На протяжении двух лет она работала над их переводом на французский и сканировала все мои рисунки. Не будь ее, я бы давным-давно бросила эту затею. Я благодарна ей за неиссякаемый энтузиазм и доброту. Не зря Серж называл ее «ангелом Гавриилом».

Я начала вести дневник в 11 лет и обращалась в нем к Манки – плюшевой мартышке, которой доверяла тогда все свои секреты. Обезьянку-жокея мне подарил мой дядя – это был приз, выигранный им в лотерею на сельской ярмарке. Мы с Манки не расставались никогда: он делил со мной тоску интерната и больничной койки, мою жизнь с Джоном, Сержем и Жаком; был свидетелем всех моих радостей и печалей. Он обладал волшебной властью: я ни разу не садилась без него в самолет, не ложилась без него в больницу. Папа как-то сказал: «Не исключая, что в раю нас с распростертыми объятиями встретит Манки!» Кейт, Шарлотта и Лу хранили как святыню его особые одежки для путешествий. Серж до самой смерти носил у себя в дипломате его джинсы... Когда Сержа хоронили, я положила рядом с ним Манки – чтобы моя обезьянка защищала его, словно фараона, в загробной жизни.

Перечитывая свои дневники, я пришла к очевидному выводу: люди не меняются. Какой я была в 12 лет, такой и осталась. Недоверчивость, ревность, желание нравиться... Сегодня я лучше понимаю, почему все мои романы длились недолго. Возможно, читатель удивится, как удивлена я сама, что я мало говорю о своей профессиональной жизни, почти не упоминаю о фильмах, спектаклях и даже песнях. О тех, кто умер, я вспоминаю месяцы спустя; как и о радостных событиях, особенно важных... их надо было пережить. Счастье распознаешь только задним числом. В дневниках всегда полно несправедливостей. Ты выкладываешь карты на стол, жалуешься, излагаешь свою версию того, что было... Так вот, здесь именно моя версия всего, что было. Я ничего не приглаживала и, поверьте, предпочла бы, чтобы мои поступки выглядели более зрелыми и мудрыми... Я удалила те места, в которых могло содержаться что-то обидное для других людей, но таких мест совсем не много. Как мне кажется, я до сих пор не избавилась от инфантильности и некоторого занудства... Есть провалы в несколько лет, часть блокнотов пропала, кого-то уже нет... Сохранившиеся записи и фотографии образуют полуслучайный набор – в зависимости от того, был у меня с собой в тот или иной день того или иного года фотоаппарат, не стерлась ли магнитофонная кассета. Да и память наша носит селективный характер. Одним словом, мне пришлось заниматься сортировкой.

Я решила написать что-то вроде автобиографии, когда перечитывала эти дневники, заодно вспоминая всякие истории из своей жизни и то, как их комментировали окружающие; я поговорила с людьми, которые играли в моей жизни большую роль, но о которых не говорится

в дневниках. В общем, мы сделали некий гибрид – по-моему, до нас никто такого не делал – из выдержек из тогдашних дневников и сегодняшних воспоминаний.

Мне хотелось опубликовать практически все, а живу я давно, поэтому у меня получилось два тома. Первый охватывает события от интерната до расставания с Сержем; второй – от рождения Лу до смерти моей дочери Кейт. В тот день я бросила вести дневник. 11 декабря 2013 года я в последний раз побывала в Безансоне. Для меня началась эпоха параллельной жизни. «Ты была рядом, но тебя как будто не было», – сказал мне Марлоу, сын Лу. Так оно и было. Мне стало не о чем говорить, я словно потеряла право на собственное мнение. С уходом Кейт мой дневник закончился.

Я родилась 14 декабря 1946 года, семи с половиной месяцев – намного раньше срока – в лондонской клинике. Меня и одного новорожденного мальчика уложили в коробку, выстланную влажной тканью, и поставили коробку на батарею. Никаких инкубаторов тогда не существовало. Мама, по ее словам, начала меня терять сразу после завтрака. Ей сделали кесарево сечение, располосовав живот сверху донизу. Она никогда не жаловалась и говорила, что это было избавление – в отличие от кошмара, пережитого годом раньше, в конце войны, когда она дома рожала моего брата Эндрю.

Мой отец Дэвид Биркин был сыном фабриканта кружев, владельца предприятия «Биркин Лейс» в Ноттингеме. Его мать, урожденная Рассел, происходила из обедневшей аристократии. Так что мой папа, протестантский пастор, был внуком лорда. После неудачной операции гайморовой пазухи у него начались осложнения; стало двоиться в глазах. Он страдал от легочных кровотечений и постоянной слабости. Когда ему было 18 лет, его тетка молилась Богу, чтобы он избавил его от этой голгофы и забрал к себе. Он учился в Кембридже и мечтал стать хирургом – какая ирония судьбы! – но ему пришлось перенести еще несколько таких же неудачных операций, после чего его отправили восстанавливаться в Швейцарию. После объявления войны он вернулся в Англию и упорно пытался поступить в армию, но его не брали по здоровью. Его старший брат был военным, второй брат – блестящим пилотом, а ему, младшему, в конце концов удалось записаться в добровольческий резерв военно-морского флота (*Royal Naval Volunteer Reserve*). В течение года он проходил обычную подготовку, а затем – ускоренный «шпионский» курс в качестве простого матроса на тренировочных кораблях, которые никогда не спускали на воду. Прежде он ни разу не бывал ни на одном морском судне, но, обладая математическим умом, быстро освоился. Вскоре он узнал, что есть возможность попасть на один из двух кораблей, курсировавших между Францией и Англией. Вместе со своим другом Питером Уильямсом¹, который управлял вторым судном в связке, они выполняли ночные задания, совершая рейсы из Дартмута до бретонских берегов, от деревни Абер-Врак до коммуны Пемполь. Он переправлял в Англию бойцов «Свободной Франции», разведчиков, английских и канадских летчиков, которых прятали у себя участники Сопrotивления. Каждый месяц приходилось ждать, когда настанет безлунная ночь, и только тогда в полной темноте выходить в беспокойное море. Стоя в крошечной капитанской рубке, он боролся с морской болезнью. Судно мотало, со стола падали карты, включать прожектор и гидролокатор было нельзя. Снова и снова пробираясь у немцев под носом, он ни разу не заблудился.

Все два военных года отец скрывал от сослуживцев свои кровотечения. Во время боевых заданий он всегда просил кого-нибудь быть с ним рядом – боялся, что, попав в плен, под действием обезболивающих начнет болтать и выдаст какой-нибудь важный секрет. Так он и воевал – таясь ото всех и ставя под угрозу судьбу своего соединения и судьбы французских партизан, которые рассчитывали на помощь британцев. В конце войны мать, дозвонившись ему из теле-

¹ На эти задания всегда выходило по два корабля. Впоследствии Питер Уильямс стал крестным отцом моего брата Эндрю. – *Здесь и далее, если не оговорено особо, – прим. автора.*

фонной будки, сказала: «Мне кажется, я знаю, чем ты занимаешься...» Какая-то женщина, с которой она познакомилась на вечеринке, поделилась с ней новостями о сыне, вернувшемся из Франции морем. Отец на это буркнул, что этой «курице» надо заткнуться!

После войны он больше ни разу не ступил ногой на палубу ни одного корабля. Мы узнали о его подвигах гораздо позже, примерно в 1967 году – до этого он ничего нам не рассказывал, соблюдая закон о неразглашении секретной информации (*Official Secrets Act*). Кстати, его наградили крестом «За выдающие заслуги» (*Distinguished Service Cross*), который ему вручил король Англии. Он навсегда сохранил восхищение перед французами, в том числе бретонцами, особенно перед Джо Менги – руководителем подпольной сети Сопротивления, который до самой смерти не разрешал назвать улицу своим именем, – и перед Танги, автомехаником из Ланнилиса, который прятал у себя на чердаке английских летчиков, а потом сажал их в кузов грузовика, забрасывал сухими водорослями, вез на побережье и, дождавшись отлива, переправлял на небольшой островок; когда начинался прилив, за ними приходил на своем судне мой отец. Однажды в рождественскую ночь папа приплыл к островку, но летчиков на нем не было. Отец с командой поспешили, пока не рассвело, вернуться в Дартмут. С горя, что миссия не удалась, они всем экипажем напились. Но тут пришла радиограмма: «Жан-Пьер сдал сорочки в стирку», или «Ландыши зацвели», или еще что-нибудь в том же роде, и им пришлось в ту же ночь сделать еще один рейс; на сей раз они подобрали летчиков и доставили их на другой берег целыми и невредимыми. Между прочим, именно мой папа переправлял Франсуа Миттерана из Дартмута в Бег-ан-Фри... После смерти отца мы с мамой объездили все бретонское побережье и во всех местах его швартовок рассыпали немного его праха. Везде нас встречали бывшие участники Сопротивления. На пляже Бонапарта, в Плуа, нас ждал Джо Менги. Он взял горсть моего папы, бросил в море и сказал: «Прощай, Дэвид».

Мать моей матери была актрисой. Она вышла замуж за моего деда, тоже актера. Он происходил из скромной семьи, жившей в Норфолке, и сменил имя Гэмбл на Кэмпбелл, чтобы получить роль шотландца. Вместе с бабушкой они сочиняли мелодрамы и открыли собственный театр в Грентеме, который потом превратили в кинотеатр – один из первых на севере Англии. Моя мать, Джуди, проводила там целые дни. Она говорила, что своим культурным кругозором обязана в основном фильмам, которые смотрела, сидя на коленях у билетерши. В тот же самый кинотеатр иногда приходила еще одна маленькая девочка – Маргарет Тэтчер.

Мать уехала в Лондон, чтобы стать актрисой. Она была потрясающе красивой. Играла главные роли в театрах с классическим репертуаром и снялась в нескольких фильмах, в том числе в одном с участием Дэвида Нивена и в картине «Зеленый значит опасность», но главной для нее всегда оставалась сцена. Эрик Машвиц написал для нее песню «Соловьиная песня на Беркли-сквер», которую она своим надтреснутым голосом исполняла в лондонском театре под бомбежками. Спускаться в метро она наотрез отказывалась, потому что боялась подземки больше налетов. Очевидцы рассказывали мне, какая она была изящная и с каким самообладанием держалась. Каждый раз, когда то слева, то справа от театра раздавалось очередное «бабах!», публика вскакивала с мест и аплодировала ей стоя. Однажды вечером в «Савой» пришел ужинать знаменитый драматург Ноэл Кауард. Он узнал среди посетителей ресторана мою мать, пригласил ее за свой столик и попросил спеть «Соловья» для таких же смельчаков, как они оба, не желавших прятаться в бомбоубежище. Она спела. Впоследствии она стала его музой, его *leading lady* – исполнительницей главных ролей во всех его комедиях. Они ездили со спектаклями по всей Англии, поднимая моральный дух соотечественников. В дом, где она жила в Лондоне, однажды тоже угодила бомба. «Что из вещей тебе удалось спасти?» – как-то спросила я ее. Она задумалась и ответила: «Духи «Шокинг» в розовом флаконе от Скиапарелли. Если у тебя больше ничего нет, остается цепляться за излишества». Годы спустя, уезжая с одним рюкзаком в Сараево, я взяла с собой губную помаду от Герлен, пару флакончиков духов и шелковое белье для школьниц. Мама была права: да здравствуют излишества!

В Лондоне мама жила в одной квартире еще с двумя актрисами – Сарой Черчилль² и Пенелопой Рид, она же Пемпи, кухня моего отца. Именно она познакомила моих родителей. Моей матери она говорила: «Если бы ты знала моего двоюродного брата Дэвида! Он просто чудо!» Отцу она говорила: «Если бы ты знал мою подругу Джуди! Самая восхитительная на свете девушка!» Папа с мамой поженились в 1944 году, и их свадьбу показали по телевидению в новостях, потому что моя мать была знаменитостью. Выглядели они чрезвычайно изысканно. Папа – с повязкой на одном глазу, мама – настоящая кинозвезда, в платье от Виктора Стибеля, моего крестного отца и самого известного кутюрье тех лет; подружками невесты были Сара Черчилль, в будущем – моя крестная, и Пемпи. Родственники отца восприняли новость о его женитьбе с восторгом. У бабушки было три сына и муж, помешанный на войнах – Первой мировой, Второй мировой и прочих, включая те, на которые его никто не призывал. Поэтому она была счастлива, что в доме наконец-то появится девушка... Зато для маминых родителей этот брак стал катастрофой: они надеялись, что их дочь сделает звездную театральную карьеру! Правда, мой отец обещал, что ни за что не станет мешать жене по-прежнему играть в театре... Promises, promises!³

Через год родился Эндрю; еще через год – я. Четыре года спустя родилась моя младшая сестра Линда, и папа перевез всех нас на ферму, о которой давно мечтал. Это и в самом деле оказалось райское местечко – для нас, детей, но, к сожалению, каждый вечер ездить оттуда в Лондон на спектакль было слишком далеко. Потом мы жили на другой ферме, в Хенли-он-Темз, а потом у папы ухудшилось здоровье. Ему пришлось перенести несколько операций. Родители поняли, что пора перебираться ближе к Лондону. Возможно, отец согласился на это, чтобы мама могла вернуться на сцену. Они купили в Челси большой викторианский дом – Чейн-Гарденс. Если я ничего не путаю, Эндрю отправили в интернат лет в шесть, как большинство мальчиков из хороших английских семей. Поначалу на выходные его забирали домой, но, поскольку бензин тогда был по карточкам, а мама пришла к выводу – несколько поспешному, – что ему там нравится, то вскоре его перевели на полный пансион; там же он окончил начальную школу, а в 13 лет перешел в Хэрроу – баснословно дорогую частную школу, которую посещали все мальчики из семей с папиной стороны перед поступлением в Кембридж.

Мы с Линдой ходили в дневную школу – *day school* – в Кенсингтоне. Каждая в свою. Моя школа была странной. Наша директриса, мисс Айронсайд, хвалилась, что во время войны принимала у себя двух премьер-министров и одного изменника родины. Но там же, в школе, я познакомилась с двумя учительницами, которые оказали огромное влияние на всю мою дальнейшую жизнь. Их звали мисс Стейнс и мисс Стори, и они преподавали у нас историю, английскую литературу и английский язык. Они возили нас в Стратфорд-на-Эйвоне, смотреть «Святую Иоанну» Бернарда Шоу, или водили в Британский музей, полюбоваться на бриллианты (чтобы мы понимали, что такое *step cut diamond*, то есть разбирались в огранке – на случай, если кто-то преподнесет нам в подарок кольцо с бриллиантом). Мы вместе с ними восхищались красотой украшений королевы Англии Елизаветы I и рыдали над драмой шекспировского Ричарда II... Но это уже совсем другая история.

² Дочь Уинстона Черчилля, актриса и талантливая поэтесса, чья жизнь закончилась довольно-таки трагически. Мы с папой ходили к дому Черчилля в его последний день рождения и, стоя у него под окнами, приветствовали его; позже, в 1965 году, мы с Эндрю влились в толпу, провожавшую его в последний путь; чтобы лучше разглядеть, что происходит впереди, мы забралась на мусорный бак. Больше всего меня потрясло и тронуло, что подъемные краны один за другим опускали свои стрелы, когда мимо проплывала по Темзе баржа с гробом Черчилля.

³ Обещания, обещания (*англ.*). – *Прим. пер.*

1957

30 апреля

Дорогой Манки!

Сегодня утром весь дом стоял на ушах. Эндрю надо было возвращаться в интернат, а ему не собрали вещи. Сначала их сложили в чемодан, но выяснилось, что никто не знает, где его белая сорочка, потом вспомнили про *boiler suit*⁴, про два розовых галстука и четыре носовых платка и так далее и тому подобное. Через какое-то время нашлось все, кроме подтяжек. Чемодан надо было срочно отправлять, и мы с Эндрю на автобусе поехали в туристическое агентство Томаса Кука. Мы вышли не на той остановке: *Lower*⁵ что-то там стрит вместо *Higher*⁶ что-то там стрит и до самой *Lower* что-то там стрит нам пришлось бы топтать пешком. Я говорю «что-то там стрит» потому, что не помню названия улицы; к счастью, у меня было с собой три с половиной фунта для Эндрю и полтора фунта для себя. Наконец мы добрались до агентства, заполнили квитанцию и стали ждать автобуса. Потом Эндрю уехал. Не могу сказать, что я испытала облегчение. Я боялась, что он опоздает на поезд. Когда я пишу, что у меня оказалось с собой три с чем-то фунта «к счастью», это чистая правда, потому что нам не пришлось идти пешком от *Higher* что-то там стрит до *Lower* что-то там стрит. Я помахала Эндрю на прощание и вернулась домой. Больше ничего писать не буду, потому что больше ничего интересного не было.

30 октября

В среду мы с Линдой придумали новую игру. Мы играли, как будто мы мальчики и живем в интернате. Странное совпадение – в тот же вечер мама сказала, что меня, может быть, тоже отправят в интернат. Вроде бы они собирались отправить меня в интернат, который называется «Леди Иден'с», или в «Нью-Форест», или куда-то в Даунс, или еще в какой-то, на побережье, у меня там учится подружка. Потом я смотрела по телевизору передачу про свиней.

* * *

В конце концов родители отправили нас с младшей сестрой Линдой в школу для девочек – *school for girls* – под названием «Аппер-Чайн», расположенную на острове Уайт. Я сама настояла на отъезде, потому что все мои школьные подружки уже учились в интернате. Мне было 12 лет, и я вся была в предвкушении новой жизни. Линда и другие младшие девочки жили в основном здании; там же у нас проходили уроки. Нас поселили в отдельных домиках – *houses*, где распоряжались воспитательница и ее помощница. Нашим домиком командовали воспитательница Вандербан и мисс Томас. Еще у нас были старосты. Нашу старосту – *head girl* – звали достопочтенная Джейн Уэлплей. Старше меня на несколько лет, она носила длинную толстую косу и была моим кумиром. Ни за что на свете я не хотела бы ее огорчить. Если у меня накапливалось слишком много *late marks* – замечаний об опоздании, – я больше всего боялась услышать от нее: «Девяносто девять, вы очень меня разочаровываете». 99 – это был мой номер. Номер Линды был 177. Наш цвет был зеленый. Каждый дом носил имя британского исследователя. Я жила в «Скотте», Линда – кажется, в «Роудсе». В каждом доме было по несколько спален на восемь человек.

⁴ Комбинезон. Такой в конце жизни носил Черчилль.

⁵ Нижняя (англ.). – Прим. пер.

⁶ Верхняя (англ.). – Прим. пер.

Когда звонил утренний колокол, надо было быстро натянуть школьную форму – не очень красивую, но определенного фасона. Заметив, что на мне не темно-, а светло-коричневые туфли, воспитательница строго сказала: «Эти туфли неправильного цвета». Потом из нашего дома надо было бегом бежать в основное здание, по пути проскочив через мостик над речушкой – она называлась Чайн. Опоздание каралось замечанием – *late mark*. Накопив три таких замечания, ты получала *mark of disobedience* – нечто вроде предупреждения, отметки за плохое поведение. После нескольких предупреждений ученицу исключали из школы. Меня не покидало ощущение, что я несу всю полноту ответственности за порядок в «Скотте» и во всей школе «Аппер-Чайн» и что своими глупыми поступками не только подвожу мою обожаемую Джейн Уэлплей, но и ставлю под угрозу существование Англии.

Линда была маленькой, а малышам учителя позволяли многое, например лакомиться клубникой, в отличие от нас – *the bulk years*⁷. Нас, рожденных в первый послевоенный год, было слишком много; мы были почти подростки – нескладные, лишённые умильной детской прелести. Мне кажется, я провела в интернате три года, хотя моя мать утверждала, что всего два. К счастью, однажды родители задали мне немного туманный вопрос: «А ты не хотела бы уйти из интерната?» Мать говорила, что я ответила: «Если я останусь там еще на один семестр, то умру». Меня забрали, и я с радостью вернулась в свою любимую маленькую школу в Кенсингтоне, где училась экстерном. Интернат был для меня пыткой. Во-первых, там меня окружали только девочки, а во-вторых, после первого семестра нас даже не отпускали домой на каникулы: боялись, что мы будем жаловаться и не захотим туда возвращаться. Но даже позже родителям разрешали навещать нас всего несколько раз в году – в воскресенье, после утренней церковной службы и с обязательством вернуться к вечерней. За это время мы успевали только посидеть с родителями в *tea shop* – чайной, расположенной в соседней деревне. Если мне не изменяет память, в последний год меня пару-тройку раз отпускали переночевать домой. У родителей был на острове Уайт небольшой коттедж – кстати, выбирая для нас с Линдой школу, они как раз и хотели, чтобы мы были поблизости – в отличие от Эндрю.

Уже в пятилетнем возрасте Эндрю отправили сначала в подготовительную (*pre-prep school*), потом в начальную (*prep school*), наконец, в школу Хэрроу, соперничавшую с Итоном и расположенную неподалеку от Лондона. Отец забрал его оттуда буквально в последнюю минуту, когда его уже собирались исключить за то, что он ходил в кино на фильм «Великолепие в траве» с Натали Вуд. Он сбежал из школы, спрятавшись в корзине с грязным бельем, но, к несчастью, забыл выбросить билет, на чем его и поймали. Кроме того, его подозревали в поджоге дома, когда-то принадлежавшего посольству Японии. Эндрю снимал фильм и решил, что для лучшего драматического эффекта надо чиркнуть спичкой и поднести ее к оконной шторе. Нельзя сказать, что он нарушал правила, – потому что он вообще не признавал никаких правил! Годы спустя я летела в самолете, и незнакомый мужчина спросил меня, правда ли я – сестра Негодяя Биркина (он сказал: «*Mad Birkin*»). Когда я это подтвердила, он рассказал мне, что Эндрю каждый понедельник секли розгами, а однажды нашли его под машиной, куда он спрятался от дождя и читал книгу – вместо того чтобы идти в знаменитую часовню, где бывали Черчилль и лорд Монтгомери. Я сама несколько раз в дни посещений – *visitor's days* – заходила в эту часовню, в том числе когда проповедь читал лорд Монтгомери. Он провозглашал с кафедры: «*God says...*» – и как бы в сторону добавлял: «*And I agree with him*»⁸. Я помню, что во время службы не смогла сдержать слез, глядя в затылки мальчиков в одинаковой форме: младших в *bum freezers*⁹ – коротеньких курточках – и старших во фраках. Каждый принятый в

⁷ Зд.: урожайные годы (*англ.*).

⁸ Господь говорит... И я с ним согласен (*англ.*). – *Прим. пер.*

⁹ Морозильник для задницы (*англ.*) – сленговое название формы учеников Итона и некоторых других престижных мужских школ Великобритании. – *Прим. пер.*

школу новичок становился рабом более старшего ученика; если за завтраком старшему захотелось хлеба с маслом, он рычал: «Fag!»¹⁰ – и младший опрометью бросался выполнять поручение. Каждый, кто отчаянно стремился присоединиться к какой-нибудь группе, испытывал жестокие страдания. Мой брат нисколько не страдал, потому что не желал присоединяться ни к одной группе. В пятницу вам сообщали, что в понедельник вас высекут, так что вы могли все выходные наслаждаться этой мыслью. Эндрю считался оригиналом; он не блистал в спорте – в отличие от нашего отца, учившегося в той же школе, – но своими чудачествами заслужил уважение со стороны seniors – старшеклассников, хоть те его и поколачивали. Но ему было на это плевать; он здраво рассудил, что лучше колотушки, чем табель с плохими оценками, который высылали отцу.

Что касается меня, его младшей сестры, то в моем табеле обычно писали: «Джейн хорошо себя ведет и очень старается, но, к сожалению... Очевидно, что учеба дается ей с трудом. Ничего не поделаешь, кто-то должен быть последним». Возможно, последних слов они и не писали, но мне кажется, что-то в этом роде все-таки было. Линда очень быстро обзавелась подружками; она росла скрытной и позволяла себе всякие шалости, но вокруг нее всегда крутился народ. Кудри, унаследованные от матери, губки бантиком... На каникулах на острове Уайт и в Ноттингеме мы играли вместе, но в остальное время виделись редко, потому что жили отдельно и учились в разных классах; я не могла поцеловать ее вечером и пожелать ей спокойной ночи. Чтобы меня не донимали ровесницы, я допоздна засиживалась в классной комнате, где делала уроки, а также в классной комнате старших девочек, где делала записи в своем дневнике...

¹⁰ Педик! (англ.)

1959

Декабрь

Дорогой Манки!

Сегодня я ненавижу школу. Я чувствую себя опустошенной и мертвой. Я понимаю: если кто-нибудь скажет мне что-нибудь неприятное, или распустит обо мне какую-нибудь глупую сплетню, или просто случится что-нибудь плохое, я закричу. Слава богу, ждать осталось всего несколько дней. Как же мне не терпится увидеть папу с мамой. Все вокруг такие добренькие, только я зла как ведьма. Ужасно, что я такая. Вчера вечером я расплакалась в часовне. Все у меня наперекосяк, за что я ни возьмусь, все выходит боком. До чего мне все это надоело.

Пока. Извини, что надоедаю тебе своим нытьем. Но этот дневник – единственный для меня способ выразить, что я чувствую.

*Love*¹¹,

Джейн Биркин

* * *

Родители долго не могли выбрать мне имя. Матери хотелось чего-нибудь пооригинальнее, и она – неслыханное дело! – предложила назвать меня Джорджианой; вроде бы была когда-то некая графиня Джорджиана Бедфорд. Но отец счел, что от этого пахнет снобизмом, и сказал: «А может, лучше Джейн? Как на рекламе сексуальных трусов?»¹² Отец любил вещи попроще. Зато мать отыгралась на моем втором имени – Мэллори, которое она изобрела самостоятельно, слегка переделав фамилию сэра Томаса Мэлори, автора «Книги о короле Артуре...». Возможно, ей казалось, что это имя цветка, хотя она ошибалась. Цветок называется *mallow* – мальва. Во всяком случае, я думаю, что Джейн Мэллори было бы вполне подходящим именем для актрисы, но я сообразила это слишком поздно, когда уже добилась известности, а отец успел хлебнуть неприятностей из-за фильма «Фотоувеличение» и песни «Я люблю тебя, я тебя тоже нет», поэтому я из чувства солидарности решила сохранить фамилию Биркин. По-французски оно звучит красиво и немного чудно – Жанна Биркин, с ударением на последнем слоге, во всяком случае, гораздо лучше, чем тяжеловесное английское *Birkin*, от которого веет чем-то немецким (впрочем, корни у него и в самом деле немецкие, а означает оно «березка»).

¹¹ Зд.: Люблю тебя (англ.). – Прим. пер.

¹² Jane (англ.) – с заглавной буквы означает женское имя, со строчной (jane) – девица, деваха. – Прим. пер.

1960

19 января

Очень странно, что:

А) у меня теперь всего одна бабушка; Б) я вернулась в школу. Мисс Томас и воспитательница очень милые.

* * *

Бабушка Кэмпбелл, мать моей матери, умерла в больнице. Мамин отец умер намного раньше, когда я только родилась или что-то около того. В тот же год умерла бабушка Биркин и папин пес Кловер, к которому он был страшно привязан. Отец тогда сказал: «В один год потерять двух бабок и пекинеса! Не хватало еще, чтобы мы лишились Черчилля!»

* * *

Среда 20 января

Проверяем и распаковываем вещички. У меня не хватает одной вешалки и одной пары черных трико¹³. Сейчас надо разложить все по ящикам. Меня поселили в симпатичную спальню. Вечером еще напишу.

Воскресенье

Только что вернулась после встречи с мамой и папой. Они с большим пониманием отнеслись к моему огорчению из-за того, что у меня нет подруг. Мне очень хочется, чтобы у меня был хороший табель, надеюсь, что у меня получится не хуже, чем в прошлый раз. Я забыла предупредить няню, что должна уйти. Надеюсь, скоро меня запишут в вожатые. Надо выучить правила. По-моему, правила такие:

1. Вожатая должна быть достойной доверия.
2. Вожатая дружит со всеми и считает себя сестрой всем остальным вожатым.
3. Вожатая вежлива.
4. Вожатая любит животных.
5. Вожатая соблюдает чистоту в помыслах, словах и поступках.
6. Вожатая всегда говорит правду.
7. Вожатая соблюдает правила.
8. Вожатая не тратит лишнего.
9. Внушать доверие, быть честной, услужливой и чистой, как ветер.

Понедельник

Ужасно волнуюсь. Не успела сделать уроки. Сiju сейчас в комнате для шитья. Мы застелили постель Сильвии и сложили верхнюю простыню вдвое, чтобы она не могла вытянуть ноги, но она заметила, что что-то не так. Личный дневник – очень полезная штука, и я страшно рада, что Линда подала мне эту идею. Мне надо научиться исправлять оценки и дополнительно заняться французским. Допишу позже.

Среда

¹³ В интернате мы, как все, носили трусы, но поверх них надевали черные трико, чтобы, в случае если мы споткнемся и у нас задерется юбка, видны были только эти самые черные трико. Кстати, длина юбки была строго регламентирована: на три сантиметра ниже колена.

До чего скучная книга – «Третье приключение господина Констанса»¹⁴! Правда, я не продвинулась дальше первой страницы, поэтому вряд ли имею право ее критиковать.

Мне надо заниматься. Переписать упражнения по французскому и повторить латинскую грамматику – вот ужас. А уже почти пора переодеться к чаю.

Эндрю прислал нам с Линдой целую кучу экземпляров «Вестника Хэрроу»¹⁵. Вот молодец! А еще открытки с розами. Мама написала мне очень личное письмо о друзьях и прочем, которое здорово меня поддержало. Папа тоже прислал мне открытку с кораблем и написал, что мой святой Христофор¹⁶ почти готов и скоро он мне его пришлет. Ну не замечательно?

Эндрю предложил поставить для мамы с папой пьесу про капитана Крукшенка¹⁷. Отличная идея! Еще мы решили подарить им огромную коробку с шоколадными батончиками «Аэро», шоколадками «Тоблерон», конфетами «Смартис» и другими сладостями, которые они обожают. До чего я люблю получать от них письма! Мама с папой и Эндрю часто нам пишут, и как же я радуюсь каждому письму! Вот только сегодня получила посылку, письмо и две красивые цветные открытки. Все, пора делать уроки.

Четверг

Сегодня четверг. Вот здорово, до субботы остается всего один день. Сегодня в спальне произошел случай, которого лучше бы не было: пришла Б. и увидела, что Сьюзен лежит на кровати и читает. Я спросила, где остальные, а она сказала, что не знает. Тогда я тоже легла и стала рассматривать своего святого Христофора, которого мне только что прислали. Тут я заметила, что занавеска перед гардеробной шевелится и оттуда слышно хихиканье. Вдруг они всем скопом оттуда выскочили и заорали: «Бу!» – да так громко, что прибежала воспитательница. «Что тут происходит? Что вы делаете?» Они сказали: «Мы прятались от Джейн». Воспитательница посмотрела на меня: «Вы имеете к этому какое-то отношение?» – «Нет», – ответила я, и это была чистая правда. «Полагаю, вы устали. Полагаю, вам пора спать!»

Пятница

Я сдавала экзамен на вожатую. Ответила на все вопросы, прочитала клятву, рассказала все правила, назвала девиз. Теперь я почти вожатая. Мне пока не разрешили ходить в форме, а вот Линде разрешили. Это ужасно несправедливо. Линда может даже носить значок с крыльшками, а я не могу, потому что я не была проводником. У Линды все всегда хорошо, ей все легко дается, а у меня вечно все наперекосяк. Учиться очень трудно, но только не Линде. Конечно, если бы и я попала сюда в том же возрасте, что Линда! Ей все шуточки! Пойду в часовню, пока никто не видит. Чувствую себя полным ничтожеством.

Суббота

Миссис Райдер разрешила мне рисовать в художественной мастерской плакат для дома Скотта. Она очень добрая. Рисовать буду на переменах. Миссис Райдер дала мне ключи. Сейчас я чувствую себя намного лучше, особенно после вчерашнего – я весь вечер проплакала. Мне кажется, у меня появился друг. Ужасно скучаю по маме и папе. Скоро каникулы. Мне уже больше нравится «Третье приключение господина Констанса», я сейчас на 20-й странице. Плакат закончила, но он мне не нравится.

¹⁴ Книга английского писателя Джона Бакена, автора шпионских и авантурных романов. – *Прим. пер.*

¹⁵ Журнал, выходивший в школе Хэрроу. Не путать с газетой, которую мой брат издавал в одиночку, начиная с подготовительной школы и в которой ругал все подряд. Ее читали даже учителя.

¹⁶ Медаль моего отца.

¹⁷ Вымышленный персонаж, придуманный моим отцом, – отвратительный тип, чем-то напоминающий капитана Крюка из «Питера Пэна».

Воскресенье

Опять у меня все плохо. Кажется, мне опять поставят С+¹⁸. Сегодня в раздевалке я видела, как девочки залезали на шкафчики. Мне было нечего делать, и я тоже полезла на шкафчик. Тогда одна из них крикнула мне: «Ты с нами не играешь!»

Линду принимают в любую компанию и посвящают в любые тайны, а меня нет. Она говорит, что это прекрасно, но откуда мне знать, если меня туда не пускают. Единственное в школе место, где можно спокойно поплакать, – это туалет, вот я там и сижу. Ненавижу школу. У меня плохие оценки, и я...

Вторник

Еще один обычный день, дрянной, но забавный. Сильвия ужасно добрая, она мне очень нравится. Скоро пора идти спать. Нас наказали и заставляют рано ложиться. Я не ужинала, но есть не хочу. Опять я сидела одна и плакала. Все-таки я ужасная плакса.

Среда

Спрашивается: я вообще живая или нет? Может, мне это вообще только снится? Я сегодня утром просыпалась? Я вообще хоть когда-нибудь просыпалась? Или все это сон? Может, я просто снюсь Сьюзен? Или Богу? Скоро зазвонит колокол, а я еще не выпила горячее молоко. Я до сих пор валяюсь в постели, и от этого мне еще страшнее.

Суббота

В нашей спальне не девчонки, а ужас. Дайана – гадина. Говорила, что прозвонит в колокол, когда надо будет объявить о середине семестра, а теперь обвиняет меня, что я этого не сделала. Они все очень злые, постоянно говорят про меня гадости, а мне не дают и слова сказать. Дайана все время настраивает Сьюзен против меня. Если она прочтет, что я тут пишу, так ей и надо, нечего совать свой нос куда не просят.

Среда

Скучища, скучища... Скука смертная.

Четверг

Документальный фильм про зеленых дятлов – чем питаются, как заводят семьи и выводят птенцов.

Воскресенье

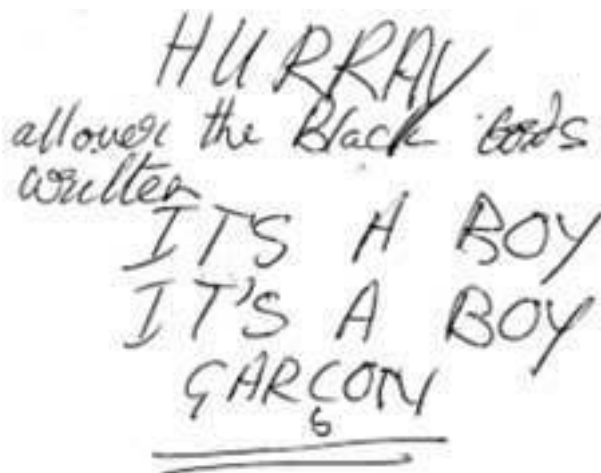
Приезжали мама с папой. Было здорово. Мы ходили обедать в отель. Обед был превосходный. В Лондоне скоро пойдет спектакль с маминым участием.

Как ужасно после всего этого возвращаться в школу.

Пятница

У королевы родился мальчик! 19 февраля в 16 часов. Говорят, что его назовут Альбертом, но я надеюсь, что нет. Вся школа кричит ура, а в каждом классе на доске написали: «Это мальчик! Это мальчик!»

¹⁸ Оценка, примерно соответствующая «удовлетворительно» на грани с «хорошо». – Прим. пер.

HURRAY
allowed the Black God's
writter
IT'S A BOY
IT'S A BOY
GARCON

Воскресенье

Пастор читал проповедь. Довольно милый. В проповеди он сказал: «Одна очень юная ученица этой школы спросила, что такое Дух Святой». Я знаю, что он имел в виду Анджелу, свою дочь, потому что она у нас самая маленькая. Когда все запели гимн, я заплакала.

Понедельник

Что толку стараться, если ничего не получается?

Вторник

Делаю уроки. Мэгги все у меня списала. Жуткая хитрованка.

Школа – это какое-то скопище несправедливостей.

На самом деле Мэгги очень добрая. Я поняла это, когда она сказала: «Возлюби ближнего своего как самого себя».

Суббота

Сегодня не произошло ничего особенного. Как мне все надоело. Танцевать не хочу. Ничего не хочу. Все ужасно, просто ужасно. Я чувствую себя камешком, брошенным на обочине дороги, по которой мчатся машины.

Линда сегодня накрасила губы и напудрилась. Я попробовала пососать красную конфетку «Смартис», чтобы казалось, что у меня тоже накрашены губы, но ничего не вышло.

Уроки сделать не успела.

Воскресенье

Обычное воскресенье. Очень волнуюсь из-за папы, у него плохо с глазом, но надеюсь, что все обойдется. За что ему столько несчастий? Лучше бы они свалились на меня. Я хочу, чтобы Бог у меня отнял глаз, а папе вернул. Когда я молюсь, всегда прошу одного и того же: сделать так, чтобы все были счастливы. Вчера я придумала такую больницу, в которой палаты были оклеены обоями в розах; папе каждый день делали массаж глаза, а мама проходила сеансы физиотерапии, и они чувствовали себя владыками мира.

Сегодня я кое-что узнала о Боге. Я часто думаю о Нем. Странное Он существо. Он вообще человек? У Него есть тело? Если тела у Него нет, что же, значит, Он – пустота? А если Он – пустота, то как Он может исполнить наши мольбы?

Сейчас, когда я купила себе губную помаду и у меня наконец-то начала расти грудь, я чувствую себя более взрослой. Я лучше учусь и по-другому думаю. Еще у меня теперь есть чулки¹⁹, и малявки смотрят на меня с восхищением.

* * *

По утрам я находила свои кроссовки чисто вымытыми чьими-то неведомыми руками; внутри лежали записочки без подписи, нацарапанные на туалетной бумаге... В первое время после поступления в интернат я делала то же самое для Джейн Уэлплей, нашей старосты. Однажды в субботу на уроке танцев я крепко ее обняла – помню, мы танцевали под *Are You Lonesome Tonight* Элвиса Пресли. Джейн Уэлплей заканчивала школу, и я сунула ей в карман деревянное сердечко (когда я его покупала, мне сказали, что оно вырезано из сердцевины дерева, но я подозреваю, что это была фасоль в форме сердечка), любовно завернутое в туалетную бумагу со словами «Для Джейн», – разумеется, без подписи. Сейчас она работает в Канаде ветеринаром, и у нее куча детей. В 1970-е годы она как-то приезжала на запись телевизионной программы с моим участием и страшно удивилась, узнав, как я ее обожала. Я даже не уверена, что она меня вспомнила, – во всяком случае, выглядела она скорее смущенной.

¹⁹ 60 ден! Толстые и плотные! К тому же если на них спускалась петля, ее можно было поднять, – и я до сих пор умею это делать.

Я чувствую себя очень странно – возможно, это и есть взросление? Кстати, не такое уж неприятное чувство. Мой мозг размышляет о совсем других вещах, например о Боге. Наверное, через это в определенный момент времени проходят все. Сейчас по радио передают «На прекрасном голубом Дунае». Какая волнующая, какая романтическая музыка! Думаю, я напишу поэму или, может, книгу.

Без даты

С тех пор как я написала эти строки, произошло очень много вещей. Примерно за четыре недели. Я упала с лошади и три недели провалялась в постели. Нога у меня в гипсе. А завтра мне должны удалить миндалины.

* * *

С загипсованной ногой меня посадили в поезд и отправили с острова Уайт в Лондон, в больницу Святого Фомы. Архиепископ расписался на моем гипсе и под своим именем поставил

крестик; носильщик, который помог мне подняться в вагон, тоже расписался на гипсе, а под своим именем поставил две буквы – *BR*, что означало «*British Rail*»²⁰.

* * *

Операция по удалению миндалин (письмо для класса)

Дорогие все!

Я очень без вас скучаю. Сегодня мне сделали операцию. Утром мне почти ничего не дали на завтрак, а потом сделали укол. Я должна была заснуть, но не заснула. На меня надели белый больничный льняной халат, на ноги – белые спортивные носки. Я очень волновалась и немного боялась. Сначала я легла, но потом села – просто чтобы убедиться, что я не сплю. Примерно через полчаса подогнули каталку. Две медсестры и санитар повезли меня в операционное отделение, а оттуда – в небольшую комнату, где нас уже ждали врачи в зеленых робах и с масками на лицах. В руках они держали маленькие ножички. Мне в локоть всадили иглу, и после этого я уже ничего не чувствовала, пока не проснулась. Первым, что я увидела, было огромное кровавое пятно у меня на халате. С меня сняли окровавленную одежду и переодели в чистую. Какой противный вкус у крови! У меня до сих пор жутко болит горло, и я не могу разговаривать и почти не могу есть. Ко мне приходил молодой доктор, он объяснил мне, как устроен стетоскоп. Он дал мне послушать его руку, и я услышала далекий шум – это был звук, с каким его сердце качало кровь. Вчера он снова заходил и спросил, учусь ли я в школе.

Мне сняли гипс и назначили сеансы кинезитерапии. Я нахожусь совсем рядом с Биг-Беном, и если привстану и посмотрю в окно, то могу его увидеть. Он издает очень приятный звук, а как раз сейчас звонит.

Только что привезли американского мальчика, ему тоже завтра будут удалять миндалины. Он очень волнуется, и мне приходится ему рассказывать, как все это происходит, и говорить, что это совсем не страшно.

Понедельник

У нас сломался орган, но мы все равно пели и хлопали в ладоши! Да, мы это сделали!

Суббота

Дядя Джон²¹ обручился! Он собирается жениться на Элизабет Джонсон. Она математик и довольно симпатичная.

Я в основном сидела в часовне. Обожаю одиночество и тишину.

Вторник

Нам проставили оценки. Обо мне написали: «Хорошее поведение. Добросовестна в учебе». Еще я выиграла кубок вожатых.

Наконец-то нас отпустили на свободу. По этому случаю был великолепный завтрак.

Папа встретил нас на Ватерлоо. Он очень доволен моим кубком.

Эндрю с мамой в Париже, во Франции.

Вторник

«Соломон и царица Савская» – это просто чудо. С Юлом Бриннером и Джиной Лоллобриджидой. В сцене, где ее забрасывают камнями, она великолепна! Светло-голубой наряд на фоне золотисто-желтых камней! Черные волосы... Само собой, она играла царицу Савскую.

²⁰ Британские железные дороги. – Прим. пер.

²¹ Брат моей матери.

Но Бог говорил с американским акцентом! Когда я вышла из кинотеатра, раздался грохот. Оказалось, это салют в честь Шарля де Голля. Юл Бриннер был в парике. Какой он красивый! С настоящей бородой и таким нежным голосом.

Мама и Эндрю вернулись домой.

Суббота

Мы навещали тетю Мэдж²². Она сильно болеет, а на прошлой неделе чуть не умерла. Мы принесли ей виноград и цветы.

Когда Эндрю с мамой вернулись из Парижа, Эндрю подарил мне статуэтку, изображающую какое-то фантастическое существо²³. Их заперли в саду Марии-Антуанетты, и, чтобы выбраться наружу, им пришлось карабкаться на строительные леса. Они побывали на маленькой ферме, где королева изображала из себя молочницу. Гид проникся симпатией к маме и Эндрю и показал им, как там все устроено, хотя, по его словам, туристов туда не пускают. Это секретное место Версальского дворца.

Воскресенье

Мы с Линдой ходили в церковь. Сегодня Вербное воскресенье, но нам было очень неуютно, потому что пели почти что мы одни.

Пинни может умереть. Надеюсь, что нет. Я ей напишу.

* * *

Полагаю, что Пинни – это Марджори Рассел, сестра папиной матери, Оливии Исабел Рассел. У нее было шесть братьев и сестер, в том числе сэр Томас Уэнтуорт Рассел, более известный как Рассел-папа. Ее роскошный попугай жако целыми днями орал: «То-о-о-мас!» Он жил у моей бабушки вместе с Полли – зеленым попугаем, который после смерти бабушки достался мне в наследство. Детей в семье воспитывал отец – преподобный Генри Чарльз Рассел, потому что их мать умерла довольно молодой. В Уоллатоне у него была церковь и дом священника. Его старший брат унаследовал Уоллатон-холл, который сегодня открыт для посещения. В детстве он производил на нас очень сильное впечатление. Именно там родилась моя бабка – раньше срока, в то время, когда ее родители гостили у старшего брата отца.

* * *

Жду парома на Портсмут. На предыдущий сесть не удалось – он был битком. В конце концов мы сели на паром «Саутгемптон-Коуз». Шел дождь. У мамы остановились часы – сразу двое, потому мы и опоздали на паром. В Саутгемптоне мы позвонили папе, и он здорово поднял нам настроение.

Вторник

Утром мы с Линдой ходили на пляж и притащили оттуда такую штуку с надписью КРАСНЫМИ буквами «Опасно! Руками не трогать! Не перемещать!». Отнесем ее назад. Папа очень ласково сказал нам, что именно так он бы и поступил. У моего святого Христофора порвалась цепочка.

²² Это тетка моей матери. Она жила в совершенно безумном доме, с попугаями и своим верным компаньоном Неллом.

²³ Это была гипсовая фигурка горгульи собора Нотр-Дам, купленная в сувенирной лавке. Я до сих пор храню ее у себя. Любопытно, что когда мы с Эндрю и Кейт ездили в Париж на съемки фильма «Лозунг», то жили в отеле напротив Нотр-Дама.

* * *

Окончательно я потеряла свой медальон святого Христофора, когда была с Сержем. Я носила его на цепочке, на щиколотке. Однажды вечером, возвращаясь на такси из ночного клуба, я неизвестно зачем высунула ноги из окна машины. Дома обнаружилось, что моего святого Христофора со мной больше нет. Этот медальон мой отец носил с собой всю войну. На его аверсе было выбито «Англиканская церковь» – чтобы тот, кто найдет тело солдата, знал, по какому обряду его хоронить. А я его потеряла, и потеряла по глупости. Сказать об этом отцу я не решилась. Во время съемок «Смерти на Ниле» мы с отцом и с Сержем жили в одном дуплексе. Стояла жара – термометр поднимался до 42 градусов, но я носила сапоги на волчьем меху, лишь бы отец ничего не заметил. Уже позже, в Лондоне, я ему сказала: «Я должна кое в чем тебе признаться». – «Ну ясное дело. Ты потеряла святого Христофора!» Оказывается, он давным-давно обо всем догадался.

Воскресенье

Мы ходили в симпатичный кинотеатр, смотрели «Я в порядке, Джек». Директор показал нам будку кинотехника. Потрясающе – мы как будто побывали на Марсе! Еще он дал нам несколько журналов, афиш и стикеры с рекламой фильмов.

Сегодня вечером собираем вещи. Мама обнаружила, что ее самая красивая мальтийская подушка залита клеем. Кто ее испортил, неизвестно. Это ужасно, потому что, хоть мама и сказала: «Бросьте, ничего страшного», мы все оказались под подозрением. Я призналась, что пролила чернила на ковер в комнате Линды. Надеюсь, они не подумают, что раз насчет чернил я призналась не сразу, то подушку тоже испортила я.

Пятница

Телефонный звонок. Бабуля тяжело больна. У нее воспаление легких. Два дня назад она упала, и отец должен срочно к ней ехать. Господи, я предложу ему взять с собой и меня. У дяди Майкла был такой голос, как будто она умирает. О нет! Я закричала и стала молиться. Я очень слабохарактерная. Вот бабуля и Пин – они смелые.

Ох, вокруг только и разговоров что про смерть: она «почти умерла». Отец сел в Коузе на паром, его отвезла мама. Помоему, Пин поехала с ними... Бабуля прислала маме письмо, но ее почерк нельзя узнать, такой он дрожащий. Эндрю очень помогает нам с Линдой. Он притворяется веселым, хотя я знаю, что в душе...

Случилось ужасное. Бабуля умерла. Больше у меня нет бабушек и дедушек, а у мамы с папой нет родителей. Смерть наступает так внезапно. Когда я думаю, что больше никогда не поеду с ней в город... Надеюсь, она сейчас в раю – в том раю, о котором она мечтала. Отец к ней опоздал. Она умерла в три часа ночи. Она была без сознания и скончалась мирно. Я всегда считала ее такой сильной. Бабуля, как она писала в своем последнем письме, упала, и очки улетели от нее на два метра. Она хотела кому-нибудь позвонить, но зацепилась ногой за ковер. Наверное, она потеряла сознание. Когда я услышала эту новость, проплакала несколько часов. Бедные Пин и папа! Благослови Господь миссис Гриффит²⁴: бабуля всегда говорила, что ее послал ей в своем милосердии Бог. Они с Пин вели себя очень мужественно и навсегда останутся для нас примером.

Среда

²⁴ Миссис Гриффит была ее экономкой.

Похороны бабули. Очень печальное событие. Раньше я никогда не видела столько цветов сразу. Когда мы в «роллс-ройсе» ехали через Уоллатон-парк, они устилали дорогу как ковер. В Линкольн-Хаусе вся мебель была затянута траурной тканью. Мы поехали на кладбище в Уилфорд-Хилл, и ветер раздувал полы облачения каноника Джайлза и каноника Инглза так, что были видны их штаны.

Вторник

Сегодня плохой день. Очень плохой. К тому же я отвратительно себя чувствую. По латыни мне поставили 2 из 10, и, по-моему, это несправедливо. Мне пришлось рано ужинать, и я не успела доделать уроки. Хотелось бы мне все начать заново, но я не могу, а дела идут все хуже и хуже. Я хочу бросить латынь, и французский, и английский язык, и английскую литературу, и словарь, и геометрию, и алгебру, и арифметику, и вообще такую жизнь, во всяком случае школьную. Я ненавижу школу. Ненавижу, ненавижу, ненавижу.

Лето

Первые дни каникул, для всех, кроме Эндрю. Ничего особенного мы не делали, съездили к тете Мэдж. У нее было мило, и она подарила нам пакет с шестипенсовыми монетами.

После божественного ужина мы ходили смотреть «Оливера Твиста». Мы ели сосиски и *spat*²⁵, а потом зеленые сливы и пили кока-колу. «Оливер» – гениальный фильм, мальчик, который его играл, потрясающе талантлив. Сироты тоже, а мистер Феджин просто один из лучших!

Пятница

Мама сшила мне платье. В последние пару дней она интересуется моими нарядами и еще купила мне туфли – белые с серебром.

* * *

Она сшила мне это платье потому, что я была подружкой невесты на свадьбе моего дяди Майкла, а также потому, что меня должны были представить королеве во время ее визита на кружевную фабрику моего деда в Ноттингеме. Герцог Эдинбургский наклонился ко мне и спросил: «Did you grow the flowers yourself?»²⁶ Подозреваю, что он задавал этот вопрос всем девочкам, которые преподносили ему цветы. После съемок в фильмах по книгам Агаты Кристи всю нашу съемочную группу также представили королеве Елизавете, и я помню, как актриса, игравшая одну из героинь, Лоис Чайлз, запаниковала, потому что не знала, что надо было явиться на прием в длинных перчатках. Тогда я быстро сняла левую перчатку и вывернула ее наизнанку. У меня осталась только одна перчатка, но вторую руку я держала за спиной, так что ее никто не видел, зато Лоис смогла пожать руку королеве. Еще раз я видела ее на ужине в Елисейском дворце, где она выступила с невероятно смешной речью. Не помню точно, но, возможно, именно в тот раз я оказалась рядом с леди Дианой, у которой была обворожительная манера краснеть... Я сказала ей, что ей надо перебираться жить в Париж, чтобы пресса оставила ее в покое...

²⁵ *Spat* – *spiced ham*, то есть консервированная ветчина.

²⁶ Вы сами вырастили эти цветы? (*англ.*)

* * *

Прелестный бал. Я танцевала с очень милыми и симпатичными мальчиками. Ни один из них не умел танцевать, и для меня это было тем более неудобно, что сама я танцевать тоже не умела!

Суббота

Эндрю в Ноттингеме. Он нашел старые газеты за 1719 год – потрясающе интересно! Мы с Линдой вечером ходили смотреть «Святую Иоанну». Ужасно впечатляюще.

Вторник

Ходили плавать, а потом Лилиан²⁷ повела нас в Национальную галерею. Там есть несколько хороших Тёрнеров и Констеблей. Потом мы ходили смотреть на драгоценности королевы.

Четверг в Ноттингеме

Мы поехали в город купить кроссовки и джинсы. Настоящих джинсов не было ни в одном магазине, даже в «Маркс-энд-Спенсере». В конце концов мы их все-таки нашли и еще купили очень красивую юбку. Мы поиграли в саду, а потом вернулись в Линкольн-Хаус, к тете Гертруде²⁸, которая ждала нас к чаю. У нее в саду мы играли в прятки. Отец прятался, а мы его искали. Он дал нам подсказку. Мы побежали к теплицам и во второй теплице нашли его под скамейкой. Еще мы искали в саду червяков, но их склевали птицы. Мы еще поиграли в саду, а потом помогли Мэй²⁹ вымыть лестницу. Потом мы пошли в старый дом Пин и через дырку в стене подглядывали, как работает кузнец.

В тот же день на обед приходила Сара Черчилль. Мама сняла нас на камеру на фоне страстоцветов. Мы опять играли с папой, и в этот раз нашла его я – он спрятался за стеклянной дверью, присев на корточки.

Суббота

Лилиан возила нас в Уоллатон-холл. Я мысленно составила генеалогическое древо. Этот дом мог бы принадлежать папе, если бы не Миддлтоны, которые находятся на главной ветви, ветви Рассел.

Мы осмотрели все большие залы. Было очень увлекательно. Соломенные чучела животных и птиц³⁰, яйца – огромная коллекция. Особенно заинтересовался Эндрю – много биологии и ботаники.

Еще была деревенская ярмарка, организованная Национальным институтом железнодорожных рабочих.

²⁷ Девушка, которая жила у нас и помогала по хозяйству за стол и кров. Мама всегда приглашала на эту работу самых красивых девушек, чтобы папа мог их писать. Я хорошо помню двух француженок, Рене и Жаклин; у меня до сих пор сохранились их портреты. Единственное требование, которое к ним выдвигалось, – любить пекинесов.

²⁸ Еще одна тетушка моего отца.

²⁹ Одна из двух горничных моей бабушки.

³⁰ Мой прадед, преподобный Рассел, менял местами головы и туловища чучел, а под экспонатами писал: «Таковы Божьи чудеса».

* * *

Мне рассказывали, что у моего деда был собственный вагон, в котором он ездил в Лондон. Кажется, он был акционером железнодорожного оператора *British Railways*. Он всегда останавливался в отеле рядом с вокзалом Сент-Панкрас и в город почти не выбирался, только чтобы навестить моего отца в больнице, где ему делали очередную операцию. Он нашел ему лучшего хирурга – к несчастью, именно из-за этого знаменитого специалиста у отца и появились проблемы с глазами. Вечером после первой операции он вместе с одной медсестрой удрал из больницы по черной лестнице, чтобы пойти в кино. Ему было 19 лет. Когда они вернулись, у него поднялась температура, но он так и не признался, что совершил побег, чтобы у медсестры не было неприятностей. Врачи решили, что дело серьезное, и снова его разрезали. Бедфорд Рассел, тот самый знаменитый хирург, уронил скальпель и нечаянно рассек отцу зрительный нерв. Из-за этого у него и стало двоиться в глазах. Не знаю, сколько еще операций он после этого перенес, но ему делали пересадку тканей бедра в глазное яблоко. Вот почему на свадьбе он выглядел так романтично – с повязкой на одном глазу. Легочные кровотечения, от которых он страдал всю жизнь, тоже были следствием многочисленных операций, вернее следствием наркоза.

* * *

Линкольн-Хаус снесут, на его месте построят многоквартирный дом, а квартиры продадут. Дуб спилят. Мы в последний раз съездили на него посмотреть. Неизвестно, кто там поселится, но другого выхода нет. Сейчас он приносит всего 2000 фунтов, а квартиры принесут 5000.

Воскресенье

Мы с Линдой и Эндрю ездили в церковь в Уоллатоне.

Глаз у папы не заживает и очень сильно болит. Бедный папа! Ему будут делать еще одну операцию. Мы ходили смотреть на дом, в котором жили бабуля, Пин и тетя Шейла. Поговорили с каноником Джайлзом. Он показал нам сад при доме священника и проводил на кладбище Уоллатона, к могиле Пин. Там еще нет могильного камня. Потом мы пошли в дом Пин, и мама нашла мне большую соломенную шляпу с лентой.

Папа выбросил несколько писем бабули, но два я подобрала. Они могут представлять собой немалую ценность – одно из них написано Робертом Браунингом³¹.

Уолли³² перерезал всех кур. Сегодня должны вывезти вещи. Комнаты превратили в подсобие склада. Мне досталось бюро, копенгагенский фарфор, шкатулка для бумаг и еще одна шкатулка – с птицами на крышке. И еще одна книга по искусству и ежегодник на будущий год, так и не понадобившийся бывшей владелице.

Понедельник

Клуб любителей кошек. Идеи. Первая встреча на летних каникулах.

Присутствовали: Эндрю, Джейн, Линда.

Собирать на продажу полевые цветы.

Продавать грибы (если найдем).

³¹ Один из самых знаменитых поэтов Викторианской эпохи.

³² Уолли был шофером. Они с женой, которую звали Мейвис, жили напротив нас и всегда будили наше любопытство, потому что у них не было детей. Именно он приезжал встречать нас на вокзал, он же возил нас по магазинам и на пляж.

Собирать ежевику и малину.

Мелкие подработки. Окончание встречи.

Поскольку мы уже собрали 8 фунтов и 10 шиллингов на нужды PDSA³³, почетный член Дэвид Биркин предлагает объявить сбор средств для другой ассоциации.

Конец.

Вторник

Ездили смотреть дом, в котором родился папа. Медный купол, греческие окна, чудовищных размеров парк... Сейчас там школа.

Четверг

Мы с Эндрю и Линдой играли в прятки в саду и побежали в теплицу, потому что там лучше всего прятаться. На чердаке мы играли в змеи и лестницы, но тут настоящая лестница подломилась, и Эндрю упал прямо на меня! Он мог убиться. Хорошо, что там валялись мешки, не то он сломал бы себе шею.

Пятница

Вечером, когда стемнело, мы возле мусоросжигателя подожгли «гая»³⁴, которого смастерили Эндрю и Линда. Папа принес огнетушитель, но он оказался порошковый и не сработал.

Суббота

Мама и Эндрю первыми уехали на остров Уайт. Мы с Линдой ходили в церковь. Проповедь была какая-то туманная.

Понедельник

Мы с Линдой ходили по магазинам, а потом готовили. Миссис Кларк из зоомагазина сказала, что для перевозки попугая Полли нужна деревянная клетка. Дома папа подарил нам каски, которые он и бабуля носили во время последней войны, и патронташ времен Англо-бурской войны.

Четверг пятница суббота воскресенье понедельник вторник среда – остров Уайт

В среду мы ходили на пляж. На велосипедах доехали до Комптона. Собирали ракушки, водоросли и камешки и ловили крабов, потому что у меня возникла идея показать, что именно можно найти на морском побережье. Мы промочили ноги – я думала, что будет отлив, но ошиблась. Мы нашли огромный желтый пластмассовый мяч и принесли его домой. Он весил целую тонну. У меня сломался велосипед; я позвонила предупредить, что мы опоздаем. Эндрю с Линдой укатили на велосипедах, а я пошла пешком. Мама сказала, что этот желтый мяч – возможно, буй. После обеда мы опять пошли на пляж и по пути увидели кролика, явно больного миксоматозом; он был мокрый и весь покрыт личинками, но еще живой. Эндрю быстро его прикончил, шмякнув об забор. Мы опять опоздали, но на ужин у нас был кролик!

Сейчас папа меня рисует. Вышло солнце.

К нам должен приехать друг Эндрю. Мы с Линдой на пляже. На берегу было холодно, и мы поплавали. Сходили за молоком к Хуки и вернулись домой. Эндрю с другом пока не появились. После обеда мы спросили у Эндрю, не хочет ли он пойти поплавать, и плавали очень долго. Помню, я забеспокоилась, правильно ли у него идут часы. Если они отстают, это будет

³³ PDSA (Peoples Dispensary for Silk Animals) – Народная ветеринарная амбулатория.

³⁴ Ночь на 5 ноября известна как ночь Гая Фокса: мы брали старые отцовские вещи, набивали их соломой, сверху прикрепляли шляпу, потом шли к соседям просить «пенни для Гая» и поджигали чучело. Сегодня за неделю до этой даты отмечают Хеллоуин, и старая традиция утрачена.

ужасно! Я вылезла из воды, Линда – за мной. Эндрю звал нас со скалы. Мы быстро оделись и сели на велосипеды.

Вдруг Линда сказала: «Твои часы отстают! На моих уже семь часов, а я их ставила по кухонным. Сейчас семь, а не шесть тридцать пять». Мы испугались и спросили у пожилого джентльмена, который проезжал мимо на машине, который час. «Семь с минутами», – ответил он. Я побежала в телефонную будку. «У тебя мелочь есть?» – спросила я Эндрю. «Нет. Звони за счет абонента». Так я и сделала. Папа велел нам возвращаться как можно скорей.

Понедельник

Мы с мамой и Линдой ездили осматривать римскую виллу. Забавно думать, что по этой земле когда-то ступала нога древнего римлянина. Мама с папой собираются снять небольшой фильм о наших ракушках.

Вторник

Вечером мы готовились к пикнику, который состоится в полночь. Было здорово. Потом мы бросали в море горящие ветки.

А вот сюжет будущего фильма.

Папа – бандит-контрабандист. Мы с Линдой обнаружили его убежище в заброшенной хижине. Мы влезли на крышу хижины, и тут из нее вдруг вышел папа. Мы спрятались, он вроде бы ушел, но вернулся и погнался за Линдой. Я стукнула его по голове и побежала за помощью. Чем там все кончится, я пока не знаю.

Кlover³⁵ очень больна. Мы пытались ее лечить, но в конце концов пришлось звонить ветеринару. Он был в кино, и тогда папа попросил сделать в кинозале объявление. Ветеринар приехал и сделал ей укол. Это было ужасно.

Сегодня 6 октября

Надеюсь, что глаз у папы больше не болит. Как это несправедливо, что он всю жизнь мучается с этим глазом. Я молюсь, чтобы он поправился.

Вторник

Папу выписали из больницы! Вот радость!

Четверг, Аппер-Чайн

Кажется, папе лучше. Я забыла спросить у него про швы. Надо будет ему написать и спросить.

Сильвия и Сьюзен получили по замечанию за плохое поведение. Они пошли за яблоками и протопали прямо по газону.

Спокойной ночи.

Воскресенье

Меня отпустили на выходной, и мама сказала, что Clover умерла. Скончалась тихо, после приступа. Утром папа ее гладил, и она еще дышала, но все реже и реже, а потом с ней случилось что-то вроде судороги, и она умерла. Они положили ее в корзинку. Трейси³⁶ украсила корзинку алыми розами и белыми гвоздиками и вообще вела себя безупречно. Мама с папой отвезли Clover на остров Уайт и завернули в мамину белую шаль и папин свитер цвета меди, который

³⁵ Папин пекинес, которому было 16 лет.

³⁶ Дочь Пемпи.

она так хорошо знала. Мистер Барнс выкопал в саду глубокую могилу и опустил в нее корзинку. Он сказал: «Не буду слишком далеко разбрасывать землю».

Папа сказал, что она была такая красивая, как никогда в жизни. Ушки назад, огромные глаза закрыты, влажный нос. Шерстка *fiuffy*³⁷, как будто она уснула. Мы заказали камень, на котором будет простая надпись: «Кловер. Покойся с миром». Все мы очень несчастны. Уж лучше бы она попала под машину или с ней случилось бы еще что-нибудь в том же роде. Больше всех горюют мама, папа и Эндрю. Бедный Эндрю, представляю, каково ему было услышать эту новость по телефону.

Понедельник 11 декабря

Давно я ничего не писала. Когда я беру в руки перо, чтобы писать, чувствую себя какой-то старой. Слишком много всего случилось. Перечислю коротко.

День рождения папы. Купила кисть и два карандаша.

Лондон. Вернулась домой и провела два чудесных дня. Нигде не могла найти свои брекеты и очень расстроилась. В конце концов нашла: они упали под стул.

День рождения Сьюзен. Подарила ей коробку талька и пластинки. Все прямо ахнули!

День рождения Эндрю. Послала две открытки и письмо. Подарок вручу на каникулах.

Мой день рождения. Отметили замечательно. Пирожные с ягодами, пончики, сэндвичи с яйцом, фруктовый салат, мусс, *bridgerolls*³⁸, оранжад, лимонад, имбирное печенье.

Готовиться было еще веселее. Линда мне помогала.

Каникулы!

Купила рождественские подарки. Маме – тапочки и конфеты, папе – два альбома для рисования, ластик и угольные карандаши. Линде – два кукольных платья. Эндрю – два комикса Джайлза.

³⁷ Пушистая (англ.). – Прим. пер.

³⁸ Пирожки (англ.). – Прим. пер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.